

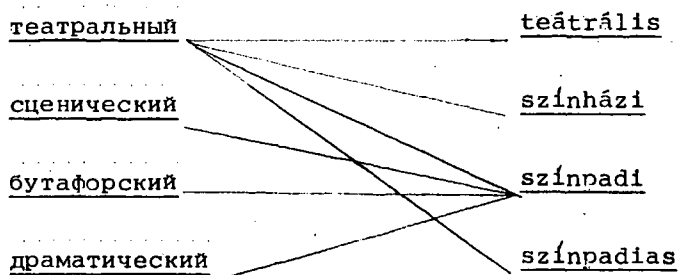
О "ЛОЖНЫХ ДРУЗЬЯХ ПЕРЕВОДЧИКА" В
РУССКОМ И ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКАХ

М. Петер

1. Освоение языком иноязычной лексики -- это сложный процесс, проходящий как в плане выражения, так и в плане содержания. В связи с этим принято различать "формальный статус" заимствований, т.е. степень их фонетической /фонологической/, орфографической и грамматической освоенности, и их "функциональный статус", т.е. характер, сферу и частоту их употребления¹. В отношении последнего особый интерес представляет группа заимствований иноязычных слов, большей частью т.н. интернационализмов, которые, при той или иной степени сходства в плане выражения двух или нескольких языков, "в плане содержания или по употреблению не полностью соответствуют или даже полностью не соответствуют друг другу"². Неучитывание различий в семантике и/или употреблении этих слов в разных языках может привести при переводе с одного языка на другой к нежелательным недоразумениям, поэтому слова этого типа и получили во французском языкознании название *faux amis du traducteur* -- "ложных друзей переводчика"³. Однако, эти "ложные друзья" представляют не только практический, но и теоретический интерес, поскольку то или иное различие в семантике, в стилистической значимости или сочетаемости слова всегда связано со "внешней" историей его заимствования /из какого языка, когда, в какой сфере языкового узуса оно заимствовано/, так и со сложными системными /синонимическими, значимостными/ отношениями в заимствующем языке. Проиллюстрируем эти отношения на одном примере.

1.1. В русском языке прилагательное театральный имеет следующие значения: 1/ 'относящийся к театру, связанный с театром, с его деятельностью', 2/ 'неестественный, внешне эффектный' /т. жест, т. поза/, 3/ 'отвечающий требованиям театрального искусства; удобный для сцены, театра, сценичный'⁴. В современном же венгерском языке прилагательное teátrális обладает только значением, соответ-

ствуящим второму, неодобрительному значению русского слова. Дело в том, что интернациональное слово teátrum 'театр' было вытеснено в венгерском языке еще в первой половине XIX в., во время обновления языка новообразованием színház /из szín 'сцена' и ház 'дом'/; ср. подобные новообразования в чешском и сербско-хорватском языках: divadlo, позориште, казалиште/, что и привело к отпадению относительного значения у прилагательного teátrális; таким значением теперь обладает прилагательное színházi. Что касается третьего значения прилагательного театральный, в венгерском языке оно распределено между прилагательными színpadi и színpadias /от színpad 'сцена'/. Вместе с тем, слово színpadias может употребляться и во втором, пейоративном значении слова театральный и, таким образом, конкурирует со словом teátrális. В то же время слово színpadi в некоторых сочетаниях употребляется в соответствии с русскими прилагательными сценический /sz. technika 'сценическая техника'/, бутафорский /sz. kard 'бутафорский меч'/, драматический /sz. mű 'драматическое произведение'/ и т.д. Таким образом, мы видим, что семантическое отношение между прилагательными театральный и teátrális входит в сложное сплетение взаимоотношений семантических полей "театра" в русском и венгерском языках. Графически это можно изобразить так:

2. В настоящей работе мы ограничиваемся рассмотрением некоторых типов семантического отношения между иноязычными словами русского и венгерского языков, сходными в плане выражения; при этом, внимание обращается на различия не только в дескрип-

тивном, но и в оценочном компоненте значения слов⁵. Ввиду ограниченности объема статьи в нашу задачу не входит исчерпывающий сопоставительный анализ тех семантических полей, которые заключают в себе рассматриваемые слова.

2.1. По-видимому, наиболее обширную группу составляют слова с одинаковым значением. Сюда относится, прежде всего, большой лексический массив научной терминологии и различных специальных номенклатур. Сюда же можно отнести слова нетерминологического характера, имеющие в двух языках одинаковое дескриптивное и общее /положительное или отрицательное/ оценочное значение. Такими являются, например, абсурдный и abszurd; балласт и ballaszt в переносном и неодобрительном значении 'то, что излишне отягощает, обременяет кого-, что-л.'; бюрократ и bürokrata; риторика и retorika в переносном значении 'эффектность, напыщенность /речи/'; тенденциозный и tendenciózus и т.п. Весьма близкими являются значения слов бравурный и bravúros, хотя в венгерском слове отсутствует значение 'оживленный' /бр. марш, музыка/; проза и próza в переносном значении 'повседневность, будничность': проза жизни -- az élet prózája /при этом в венгерском сильнее выступает "материальнофинансовый аспект" будничности, а в русском -- ее однообразие/; спекуляция и spekuláció в значении 'умозрительное построение' /при этом в венгерском слове налицо и семантический признак бесплодности такого мышления/.

2.1.1. Важную подгруппу составляют слова, очень близкие по дескриптивному, но расходящиеся по оценочному компоненту своего значения. В венгерском слове akkurátus к семантическому признаку 'тщательности, точности' присоединяются признаки 'мелочности' и 'педантизма', и, таким образом слово имеет, в отличие от русского слова аккуратный, неодобрительное значение. В венгерском прилагательном absztrakt признак 'отвлеченности' часто /но не всегда/ сопровождается пейоративным признаком 'трудный для понимания, недоступный', обычно отсутствующем в русском сло-

ве абстрактный. В прилагательном patetikus /и часто также в существительном pátosz/ к признакам 'приподнятости' и 'взволнованности' присоединяются признаки 'напыщенности', 'высокопарности', придающие этим словам, в отличие от русск. патетический, пафос, неодобрительное значение. С другой стороны, в венгерском слове replika /и в производном от него глаголе replikázik/ семантический признак 'возражения' дополняется моментами 'бойкости' и 'эффектности' данного ответа, придающим этим словам оценочный знак +/; в русском же слове реплика этот оценочный момент, как правило, отсутствует.

2.2. Вторую большую группу составляют слова, отличающиеся прежде всего по дескриптивному компоненту своего значения. В нее входит целый ряд подгрупп.

2.2.1. Венг. anekdota, в отличие от русск. анекдот употребляется только в значении 'небольшой, забавный рассказ о какой-л. известной личности' /о художнике, ученом, государственном деятеле и т.п./; оба слова лишены, как правило, оценочного компонента. Венг. ankét имеет значение 'дискуссия для обсуждения какого-л. вопроса, имеющего общественный интерес', и не употребляется в значении русск. анкета 'опросный лист'; оба слова лишены оценочного значения.

2.2.2. Некоторые слова имеют одинаковое оценочное значение, но при этом различаются по своему дескриптивному значению. Так, слова афера и affér имеют одинаково пейоративную окраску, но афера означает 'недобросовестное, мошенническое предприятие, дело, действие', а affér 'неприятный конфликт, столкновение с кем-л.', а также 'дуэль' /устар./. Слова бестия и bestia выражают одинаково отрицательную оценку, но бестия имеет значение 'пройдоха, плут', а bestia 'злая, шкурная женщина'. /В венгерском языке слово употребляется также в значении 'зверь'./ Слова цирк и cirkusz употребляются в обоих языках и в переносно-пейоративном значении, однако цирк означает 'какое-н. смешное зрелище' или 'смешной эпизод', а cirkusz -- 'шумную, скандальную сцену' или 'заранее подстроенное дело, инсценировку'.

2.2.3. В большинстве случаев расхождение по дескриптивному значению сопровождается и отличием в оценочном значении. Русск. аллюр обозначает 'способ хода, бега лошади' и в оценочном отношении нейтрален, венг. же allűr имеет неодобрительное значение 'манерность поведения, замашка, повадка'. Венг. artista употребляется только в значении 'цирковой гимнаст, акробат', а не в значениях русского слова артист, и в отличие от русск. циркач не содержит пейоративной оценки. Венг. gavallér имеет значение 'модно одетый и умеющий держаться мужчина', 'ухажер' и 'щедрой рукой раздающий подарки, чаевые и пр.' /в последнем значении с оценочным знаком +/, но не имеет значения 'человек, награжденный орденом', присущего русскому кавалер.

2.2.4. В некоторых случаях слово, характеризующееся в одном языке многозначностью, в другом языке имеет только одно, при том более узкое, но в оценочном отношении отмеченное значение. В венгерском языке слово láger употребляется, в отличие от русск. лагерь, только в значении 'концентрационный лагерь'; слово rezsim, в отличие от русск. режим, только в значении 'строй государственного управления' с пейоративной оценкой. С другой стороны, слово банда, имеющее в русском языке только одно, неодобрительное значение '/разбойная, преступная группа, шайка/', в венгерском языке употребляется и в других, эмоционально нейтральных значениях: banda '/цыганский или военный/ оркестр' и 'объединение лиц для совместной работы, артель'.

2.2.5. У ряда словесных пар венгерский язык сохранил и развил только переносно-оценочное значение, которое в соответствующем русском слове может и отсутствовать. Так, например, венг. behemót употребляется только в значении 'неуклюжий человек /или животное/ большого роста', но не имеет значения 'гипопотам' русского слова бегемот. Прилагательное brillians употребляется только в переносно-оценочном значении 'блестящий, восхитительный' /br. szónok -- 'блестящий оратор',/ тогда как русскому бриллиантовый такое значение не присуще. Венг. kriminális употребляется только в переносно-оценочном значении 'ужасный, очень

плохой' /kr. idő 'ужасная погода'/; значение этого слова 'уголовный', характерное для русск. криминальный, в венгерском устарело. Слово náción, в отличие от русск. нация, имеет пренебрежительное значение и часто употребляется как бранное слово: Miféle náción! 'Что за сволочь!', Te qaz náción! 'Мошенник!' и т.п. Подобным образом и слово firma употребляется только в переносно-неодобрительном значении: jó kis firma 'сомнительная, недостоверная личность'; значение же русск. слова фирма 'торговое или промышленное предприятие' является для венгерского языка устарелым. Венг. bagázs обладает только пейоративным значением 'сброд'; значения русск. багаж 'груз пассажиров', 'запас знаний' ему чужды. Слово perszóna употребляется только как пренебрежительное обозначение женщины, значения соответствующего русск. персона 'личность, особа' и 'человек' /как нумератив/ ему не присущи. Венг. praktika не употребляется ни в одном из значений слова практика, а только в пейоративном значении 'хитрый прием, махинация'. Точно так же венг. forszíroz употребляется только в нехарактерном для русск. форсировать значении 'назойливо и/или насильно добиваться чего-л.' Более редко встречаются обратные случаи, когда среди значений иноязычного слова в русском языке имеется одно переносно-пейоративное, отсутствующее в венгерском языке. Так, в русском языке слово субъект и тип могут обозначать человека, к которому говорящий относится пренебрежительно; в венгерском же слова szubjektum и típus такого значения не имеют.

2.2.6. При сопоставлении семантической структуры словесных пар иногда следует учитывать и фактор времени /см. выше слова криминальный и фирма/. Дальнейшим примером может служить слово âgens, которое в современном венгерском языке употребляется только как научный термин; значения 'лицо, уполномоченное для выполнения деловых поручений' и 'шпион', присущие русск. агент, являются для венгерского языка устарелыми. Глагол adreszál является устарелым в значении 'послать по какому-л. адресу', характерном для соответствующего слова адресовать; в современ-

ном венгерском языке он употребляется только в ироническом смысле 'направить кому-л. замечание, критику, упрек и т.п. косвенно, в виде намека'. Для венг. слова apelláta значение юридического термина апелляция является устарелым; в современном языке оно употребляется только в фразеологическом обороте Nincs apelláta!, выражающем категоричное решение или запрет. В современном венгерском языке прилагательное kapitális употребляется как охотничий термин: k. vad 'крупный, матерый зверь /особенно: с большими рогами/'; значение русск. капитальный 'главный, основной' для венгерского слова является устарелым. Обратный пример представляет пара фамилия -- família; для русского слова значение 'семья, домохозяин' устарело, в венгерской же разговорной речи família употребляется только в значении 'семья' и, как правило, имеет иронически-неодобрительную окраску: Szép kis família! 'Хороша семья!'

2.2.7. В некоторых случаях семантическое отношение между русским и венгерским словом может осложняться деривационным фактором. Так, например, слово пакт и raktum имеют одинаковое значение и оба лишены оценочности. Однако, венг. глагол raktál употребляется только в неодобрительном значении 'тайно сговариваться с кем-л. в каком-л. неблагоприятном деле'. Глаголу фиксировать соответствуют в венгерском два глагола: fixál и fixíroz; при этом, fixál употребляется в значении 'окончательно определить, установить', а также в специальном значении 'обрабатывать фиксажем', глагол же fixíroz в пейоративном значении 'пристально и вызывающе смотреть на кого-л.'. Слова партизан и partizán имеют одинаковое значение. Глагол партизанить означает 'вести партизанскую борьбу', и в этом же значении употребляется и венг. глагол partizánkodik; однако, венг. слово обладает кроме того и переносно-неодобрительным значением 'действовать, распоряжаться без ведома и указания компетентного органа'; в русском языке близкое к этому значение может получить собирательное существительное партизанщина: 'неорганизованные, анархические, нарушающие дисциплину действия'.

2.2.8. Наконец, отметим некоторые случаи, когда в венгерском языке семантическим сдвигам подвергались слова, заимствованные из какого-то славянского языка. Существительное ukáz, заимствованное непосредственно из русского, употребляется не только как историзм /'царский указ'/, но и в более широком, неодобрительном значении 'самовластный, произвольный приказ или запрет'. Подобным образом и слово narodnyik употребляется не только как историзм, обозначающий последователя известного общественно-политического движения в России во второй половине XIX в., но и в расширенно-пейоративном значении 'лицо, переоценивающее политическое значение крестьянства в ущерб рабочему классу'. Существительное kurcs, заимствованное из словацкого языка, употребляется, с одной стороны, в суженном значении 'торговец лошадьми или скотом', с другой стороны, как прилагательное, в пейоративном значении 'торгашеский': kurcs szellem 'торгашеский дух'. Слово kalamajka, заимствованное из укр. коломи́йка 'гуцульский массовый танец', в современной разговорной речи употребляется в пейоративных значениях 'суматоха' и 'неприятность'.

3. Кажется, что приведенный здесь материал, хотя его далеко нельзя считать полным, тем не менее позволяет сделать вывод о том, что "ложные друзья переводчика" являются вместе с тем важными "помощниками" лингвиста. В одной более ранней статье мы называли иноязычные слова своего рода "мечеными атомами", позволяющими раскрывать сложные системные отношения в лексико-семантической и стилистической сферах языка, а также динамику этих отношений, обычно менее заметные на материале исконной лексики⁶. Иноязычные слова содействуют также раскрытию сложных процессов взаимодействия между "внутренними" и "внешними" факторами в жизни языка. В свое время Соссюр отрицал значение такого взаимодействия, однако он сам же признал, что "заимствованное слово уже нельзя рассматривать как таковое, как только оно становится объектом изучения внутри системы данного языка, где оно существует лишь в меру своего соотношения и противопоставления с другими ассоциируемыми с ним словами, подобно всем другим, искон-

ным словам этого языка."⁷ Разумеется, что сколько-нибудь удовлетворительное освещение всей этой проблематики требует тщательного историко-лексикологического изучения каждого отдельного слова /включая его "предысторию" в языке-источнике заимствования/ на широком фоне его синонимических и семантико-полевых связей в заимствующем языке.

Примечания

1. См. О.Б. Шахрай. К проблеме классификации заимствованной лексики. -- Вопросы языкознания, 1961, № 2, с. 53. Михай Петер. О функциональном статусе иноязычной лексики в современном русском языке. -- В кн.: *Hungaro-Slavica* 1978. Budapest, 1978, с. 243.
2. В.Н. Крупнов. В творческой лаборатории переводчика. М., 1976. с. 63.
3. M. Koessler. J. Derocquigny. Les faux-amis ou les trahisons du vocabulaire anglais; conseils aux traducteurs. Paris, 1928. См. еще: Англо-русский и русско-английский словарь "Ложных друзей переводчика". Сост. В.В. Акуленко, С.Ю. Комиссарчик, Р.В. Погорелова, В.Л. Шхт. М., 1969, с. 372.
4. Для толкования значений были использованы следующие словари: Словарь современного русского литературного языка, I-XVII. М., 1950--1965; С.И. Ожеров. Словарь русского языка. Изд. 10-е. М., 1973; *Magyar Értelmező Kéziszótár*. Budapest, 1972; Bakos Ferenc. Idegen szavak és kifejezések szótára. 6. kiadás. Budapest, 1983.
5. О дескриптивном и оценочном компонентах лексического значения см. Е.М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985, особенно с. 28--33.
6. Михай Петер. Ук. соч., с. 255.
7. Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. -- В кн.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 61.